

Административное право

УДК 342.951

JEL: K23

СТЕПАНЕНКО Юрий Викторович

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Садовая-Кудринская ул., д. 9, Москва, 125993, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-3818-3087>

Степаненко Юрий Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); профессор автономной некоммерческой организации высшего образования «Открытый гуманитарно-экономический университет»; заслуженный юрист Российской Федерации, член-корреспондент РАЕН, Москва. E-mail: stepanenko.50@mail.ru

**О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О НАУКЕ И ПРАВОВОГО СТАТУСА НАУЧНОГО РАБОТНИКА¹**

Предмет/тема. Законодательное регулирование общественных отношений в сфере науки и установление правового статуса ученого и научного работника².

Цели/задачи. Целью настоящего исследования является выявление дефектов и уязвимых мест проекта федерального закона «О научной и научно-технической деятельности в Российской Федерации» и выработка научно обоснованных предложений и рекомендаций по его совершенствованию.

Методология. Применялись методы анализа, синтеза, обобщения, аналогии, правового моделирования, сравнительно-правовой метод.

Выводы. В проекте федерального закона «О научной и научно-технической деятельности в Российской Федерации» еще рано ставить точку. Требуется доработки терминологический аппарат законопроекта, необходима выработка объективных критериев разграничения научной и научно-технической деятельности, нуждается в более детальной разработке правовой статус ученого и научного работника.

Ключевые слова: правовой статус, научный работник, ученый, научная и научно-техническая деятельность.

Administrative law

Yury V. Stepanenko, doctor of Law, professor, professor at the Department of Administrative Law and Process, University of O.E. Kutafina (MSLA); professor of the autonomous non-profit organization of higher education «Open Humanitarian-Economic University»; Honored Lawyer of the Russian Federation Chief Research Scientist of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15032.

² Настоящая работа подготовлена при информационной поддержке СПС КонсультантПлюс.

E-mail: stepanenko.50@mail.ru

**ABOUT IMPROVEMENT OF LEGISLATION ABOUT SCIENCE
AND LEGAL STATUS SCIENTIFIC WORKER**

Abstract

Subject / Topic. Legislative regulation of public relations in the field of science and the establishment of the legal status of a scientist and scientist.

Goals / Objectives. The purpose of this study is to identify defects and vulnerabilities in the draft federal law «On Scientific and Scientific-Technical Activities in the Russian Federation» and to develop scientifically sound proposals and recommendations for its improvement.

Methodology. The methods of analysis, synthesis, generalization, analogy, legal modeling, comparative legal method were used.

Conclusion and Relevance. It is too early to put an end to the draft federal law On Scientific, Scientific and Technical Activities in the Russian Federation. The terminological apparatus of the bill needs to be finalized, objective criteria must be developed to distinguish between scientific and scientific and technical activities, and the legal status of a scientist and scientist needs a more detailed development.

Keywords: *legal status, scientist, scientist, scientific and technical activity.*

В настоящее время все заинтересованные органы и организации, научная общественность с нетерпением ожидают принятия федерального закона «О научной и научно-технической деятельности в Российской Федерации», которым наряду с другими положениями будет установлен правовой статус ученых, научных работников и иных работников научных организаций. Однако законопроект пока не внесен в Государственную Думу, хотя это событие в соответствии с поручением Президента Российской Федерации должно было произойти еще в марте 2018 года.

Необходимо отметить, что при анализе положений законопроекта «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» долгое время приходилось руководствоваться лишь его концепцией, размещенной первого марта 2016 года на официальном сайте Минобрнауки России как разработчика и ответственного исполнителя. Тогда предполагалось, что законопроект будет содержать 9 глав, включающих 15 параграфов и 89 статей. Первая общедоступная редакция законопроекта была размещена для общественного обсуждения 23 марта 2018 года на федеральном портале проектов нормативных правовых актов (regulation.gov.ru) (ID проекта 04/13/03-18/00079415). В этой версии законопроект содержал уже 7 разделов, 15 глав и 75 статей. Зафиксировано 967 просмотров. Тридцать первого июля 2018 года на указанном портале была размещена обновленная редакция законопроекта (ID проекта 01/05/07-17/00069845), включающего в себя 9 разделов, 15 глав и 77 статей. Системой зафиксировано уже 5197 просмотров документа, что свидетельствует о повышении активности в его обсуждении и заинтересованности в

принятии.

С 7 июня 2019 года по 31 января 2020 года на краудсорсинговой платформе «ПреОбразование» (preobra.ru) осуществлялись общественные консультации по новой редакции законопроекта с несколько измененным названием – «О научной и научно-технической деятельности в Российской Федерации». В обсуждении приняли участие 605 экспертов, которыми внесено 821 предложение.

Мы не ставим перед собой задачу проанализировать все внесенные предложения и высказать по ним свои соображения. Этим занимаются разработчики законопроекта. К тому же, начиная с 2016 года, автором настоящей статьи опубликован ряд научных работ, в которых отображена его позиция относительно основных положений концепции и двух редакций анализируемого законопроекта [1,2,3,4]. Вместе с тем, положительно оценивая достигнутый уровень качества проектируемого документа, хотелось бы осмыслить его новые и обновленные положения, в том числе касающиеся правового статуса ученого, научного работника.

Прежде всего, рассматриваем как положительный тот факт, что из наименования законопроекта исключены слова «инновационная деятельность», равно как и из текста – многие положения о ней. В предшествующих статьях нами отмечалось, что разработчикам законопроекта не удалось в полной мере разграничить научную, научно-техническую и инновационную деятельность, которые зачастую перечислялись в тексте через запятую. Это свидетельствовало о преобладании в документе общих положений, распространяющихся на все три вида деятельности, что даже ставило под вопрос необходимость их разграничения. На этом основании нами было высказано предположение о том, что обеспечить в одном законопроекте надлежащее правовое регулирование трех сфер деятельности, хотя и смежных, представляется трудновыполнимой задачей [5, с. 32-33]. Как видим, предложение в этой части воспринято разработчиками. Вместе с тем конкретные критерии разграничения научной и научно-технической деятельности в анализируемой редакции законопроекта по-прежнему отсутствуют, а соответствующие дефиниции ответа на этот вопрос не дают.

Представляется, что у авторов законопроекта нашло понимание и наше предложение об устранении из его текста понятия «научно-экспертная деятельность», поскольку в концепции законопроекта и в его предыдущих редакциях такая деятельность попросту отождествлялась с экспертизой [4, с. 19]. В то же время непонятно – почему эта дефиниция сохранилась в статье 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе»? Ведь нигде в дальнейшем тексте законопроекта это понятие не упоминается. Очевидно, это техническая ошибка.

В целом, на наш взгляд, терминологический аппарат законопроекта не отличается безупречной логикой. Если в первом опубликованном для

всеобщего сведения проекте федерального закона содержались дефиниции 21 понятия, то в анализируемом – всего 8. Видно, что авторы законопроекта на этот раз пошли другим путем – они разместили многие понятия в соответствующих главах, к которым те имеют непосредственное отношение. Вроде бы правильная логика в таком подходе усматривается. Но неясно другое – неужели понятия научной, научно-технической, инновационной деятельности, ученого, научного работника и многие другие ключевые понятия не являются основными понятиями, используемыми в проектируемом законе и перечисленными в статье второй? Неужели понятие научно-экспертной деятельности, которое не известно российскому законодательству и не используется в самом законопроекте, или понятие докторантуры доминируют в области научной и научно-технической деятельности и по этой причине включены в терминологический аппарат законопроекта? Конечно же, это не так.

Не вполне понятно, почему при характеристике предмета регулирования будущего закона (ч. 1 ст. 1) не упоминаются органы местного самоуправления. Ведь статьей 9 законопроекта устанавливаются их полномочия в сфере научной и научно-технической деятельности, а в соответствии со статьей 43 финансовое обеспечение научной и научно-технической деятельности осуществляется и муниципальными образованиями. В целом органы местного самоуправления и муниципальные образования как субъекты правоотношений в сфере научной и научно-технической деятельности упоминаются в законопроекте 15 раз.

Некоторые соображения хотелось бы высказать относительно закрепленных в статье 3 основных принципов государственной политики и правового регулирования отношений в сфере научной и научно-технической деятельности. Так, например, свобода научного и технического творчества гарантируется частью 1 статьи 44 Конституции РФ. Но в пункте 1 статьи 3 законопроекта провозглашается принцип свободы научного и технического творчества *в научной и (или) научно-технической среде*. Тем самым конституционная гарантия реализации указанной свободы в любой сфере, отрасли, области, виде законной деятельности неоправданно ограничивается в законопроекте научной и (или) научно-технической средой. Получается, что заниматься научным или техническим творчеством исследователь может только среди ему подобных (ученых, научных работников) и в научной или образовательной организации. На самом деле такого быть не должно. В этом мы разделяем позицию Г.А. Трофимовой, понимающей под творческой деятельностью, осуществляемой самостоятельно, деятельность лиц творческих профессий (в том числе ученых), направленную на создание интеллектуального результата (в частности, произведения науки) с правом обнародования созданного результата и

получения вознаграждения за него, осуществляемую на свой риск, под собственным контролем и без вступления в трудовые отношения с какой-либо организацией или индивидуальным предпринимателем (работодателем) [6, с 45].

Пунктом 3 предусматривается принцип обеспечения равного доступа на осуществление научной и (или) научно-технической деятельности, в том числе к соответствующим мерам стимулирования, объектам инфраструктуры научной и научно-технической деятельности, а также недопущения ограничения проведения научных исследований. Полагаем, что в такой формулировке указанный принцип противоречит конституционной свободе научного и технического творчества, для реализации которой не требуется обеспечения равного или какого-то иного доступа. Другое дело, если речь идет только об обеспечении равного доступа к объектам инфраструктуры научной и научно-технической деятельности: библиотечным фондам, информационным базам, научным коллекциям и т.д.

Представляется целесообразным несколько скорректировать редакцию принципа, предусмотренного пунктом 8 статьи 3 законопроекта. Очевидно, что в нем идет речь о предоставлении мер поддержки, однако слово «поддержки» почему-то отсутствует. При этом его отсутствие не компенсируется причастным оборотом «направленных на материальное стимулирование научной и научно-технической деятельности», поскольку в деловом письме русского языка принято считать, что меры осуществляются, принимаются, реализуются. А вот «предоставление мер поддержки» стало устойчивым словосочетанием.

Необходимо обратить внимание на своеобразную терминологическую эквилибристику, замеченную в статье 4 законопроекта, которая явно не пойдет ему на пользу. Дело в том, что в названии статьи говорится о «научно-технической политике в Российской Федерации», в части 1 – о «единой политике в сфере науки и научно-технической деятельности» и «государственной научно-технической политике», в части 2 – о «государственной научно-технической политике». Примечательно, что в части 1 статьи 6 упоминается «единая государственная политика в сфере науки», в статье 44 – «государственная политика в области научной и научно-технической деятельности». Кроме того, в статье 4 можно отметить определенную некорректность: обязанность представлять ежегодный доклад Федеральному Собранию Российской Федерации возлагается на Правительство Российской Федерации. Тогда непонятно, почему РАН представляет Правительству тот же доклад? Наверное, речь в этом случае должна идти о *проекте* доклада.

В пункте 5 части 3 статьи 5 говорится о «разграничении полномочий в сфере *образования*...». Полагаем, что это относится к предмету правового регулирования Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». А здесь, очевидно, речь должна идти о разграничении

полномочий в сфере науки.

Содержание части 2 статьи 6 в определенной степени дублирует положения части первой этой статьи. Кроме того, представляются не вполне корректными словосочетания «государственная научно-техническая политика гражданского назначения», «и связанных с ними науки и образования».

В пункте 3 части 3 статьи 7 говорится об «обязательных для исполнения инструктивных материалах». Как известно, обязательны для исполнения только предписания нормативных и индивидуальных правовых актов, изданных уполномоченными органами и должностными лицами. В соответствии с постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 12.10.2019) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» нормативные правовые акты издаются федеральными органами исполнительной власти в виде постановлений, приказов, правил, инструкций и положений. Издание нормативных правовых актов в виде писем, распоряжений и телеграмм не допускается. Заметим, что в указанных Правилах ничего не говорится об «обязательных для исполнения инструктивных материалах».

Пунктом 6 статьи 8 законопроекта к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ отнесено обеспечение *предоставления* (правильнее – *представления*): а) ежеквартального отчета о достижении целевых прогнозных показателей; б) необходимого количества экземпляров нормативных правовых актов, принимаемых органами государственной власти субъекта РФ, по вопросам подтверждения документов об ученых степенях, ученых званиях; в) информации (в том числе баз данных), необходимой для формирования и ведения федеральных баз данных по вопросам контроля и надзора в сфере образования и науки. Полагаем, что регулирование таких процедурных вопросов должно осуществляться не федеральным законом, а правовыми актами управления, имеющими подзаконный характер. Положения части 3 статьи 48 «Подтверждение документов об ученых степенях и ученых званиях» также не требуют законодательного регулирования, и вполне могут быть предусмотрены подзаконным нормативным правовым актом.

Пунктом 3 статьи 9 на органы местного самоуправления возлагается обязанность «финансового обеспечения научной и научно-технической деятельности, осуществляемой на территории муниципального образования». Здесь разработчики законопроекта, по нашему мнению, не учли, что на территории муниципального образования могут реализовываться федеральные программы и проекты, финансируемые из средств федерального бюджета, а также аналогичные формы научной и научно-технической деятельности, осуществляемой и финансируемой из бюджетов субъектов РФ. Кроме того, пунктом 7 анализируемой статьи не предусматривается возможность участия органов местного

самоуправления в реализации федеральных государственных программ.

В части 3 статьи 10 императивно устанавливается, что «научная и научно-техническая деятельность осуществляются на договорной основе в соответствии с гражданским законодательством, а также в соответствии с трудовым законодательством, в случае осуществления ее научными работниками в рамках исполнения служебных обязанностей». Между тем отношения в сфере научной и научно-технической деятельности регулируются не только частноправовыми отраслями законодательства, но и отраслями публичного права: административного, финансового, информационного и др. Это находит подтверждение в статьях 12, 13, 16 и других статьях законопроекта.

В части 5 статьи 10 говорится о том, что «система научной и (или) научно-технической деятельности создает условия для свободного осуществления научной и научно-технической деятельности, ее развития, популяризации и пропаганды». Необходимо отметить, что указанная норма имеет декларативный характер и незначительный регулятивный потенциал, поскольку в ней содержатся оценочные понятия «создание условий», «развитие», «популяризация», «пропаганда» без указания на субъекты, осуществляющие эти виды деятельности, и порядок их осуществления.

Представляется, что предусмотренный в статье 11 перечень элементов инфраструктуры научной и научно-технической деятельности не может быть исчерпывающим в силу высокой динамики развития в стране цифровизации, внедрения новых телекоммуникационных и других инновационных технологий. Полагаем целесообразным открыть перечень, например с помощью введения пункта «Иное».

В части 1 статьи 13 содержится оценочное понятие «значительно улучшенный продукт, товар или услуга». В части 2 статьи 13 в перечне форм поддержки инновационной деятельности содержатся положения, допускающие распространительное или, наоборот, ограничительное толкование, например: поддержка экспорта, обеспечение инфраструктуры. В целом необходимо добиваться того, чтобы в законодательных актах было как можно меньше оценочных понятий и положений, весьма уязвимых в силу своей полисемичности, словесной энтропии и других отрицательных факторов, влекущих искажение их действительной сути и значения [7].

В части 3 статьи 13 говорится о том, что стратегия инновационного развития Российской Федерации *принимается* Правительством РФ. Представляется все же, что стратегия может быть либо утверждена, либо одобрена Правительством.

Не вполне внятно сформулирована первая задача технологических платформ: «усиление влияния потребностей бизнеса и общества на реализацию важнейших направлений научно-технологического развития» (пункт 1 части 3 статьи 17). Кроме того, нельзя согласиться с тем, что

задачей технологических платформ является совершенствование нормативно-правового регулирования в области научного, научно-технического и инновационного развития (пункт 6). К этому следует добавить, что в законопроекте не определен правовой статус технологических платформ. Что это – организация, функция, деятельность или что-то иное? Ведь если перед технологической платформой ставится задача совершенствования нормативно-правового регулирования, то каким образом технологическая платформа может быть реализована (пункт 7 части 3 статьи 17)?

Требует дополнительного обоснования положение части 2 статьи 20 о том, что научная организация вправе осуществлять образовательную деятельность по программам магистратуры.

Особый интерес вызывает глава 4 законопроекта, которая называется «Ученые, научные работники и иные работники научных организаций. Государственная система научной аттестации». Необходимо отметить, что по сравнению с предшествующими редакциями законопроекта положения о законодательном статусе указанных субъектов стали более выверенными, лаконичными и понятными. Однако и претензии к ним все еще имеются.

По замыслу разработчиков законопроекта, ученым может являться *физическое лицо, осуществляющее профессиональную научную или научно-техническую деятельность с целью проведения научных исследований и опытно-экспериментальных разработок и получивший научные и (или) научно-технические результаты в определенной области знаний, науки и техники* (ч. 1 ст. 29).

С тем, что ученым может быть только физическое лицо, не поспоришь. А вот в остальном тексте этой дефиниции необходимо, на наш взгляд, правильно расставить акценты. В частности, вряд ли можно согласиться с тем, что целью осуществления научной или научно-технической деятельности является проведение научных исследований и опытно-экспериментальных разработок. Это способ, средство достижения цели. А целью такой деятельности должно быть получение конкретных научных и (или) научно-технических результатов. Кроме того, при наличии в анализируемой формулировке слов «осуществляющее профессиональную научную или научно-техническую деятельность» имеются все основания полагать, что физическое лицо, чтобы приобрести статус ученого, должно быть связано трудовыми или государственно-служебными отношениями с научной или образовательной организацией. Получается, что физическое лицо, имеющее научные труды, научную школу, учеников, состоящее в диссертационных советах, но не работающее в научной или образовательной организации, не может признаваться ученым. По нашему мнению, для решения этой проблемы могут быть предложены два варианта: мягкий и жесткий.

Мягкий вариант - представляется целесообразным слова

«осуществляющее профессиональную научную или научно-техническую деятельность» заменить словами «профессионально осуществляющее научную или научно-техническую деятельность». Слово «профессионально» здесь будет выступать синонимом слов «компетентно», «квалифицированно», «мастерски», и тем самым не будет жестко указывать на научную или научно-техническую деятельность как на профессиональную. О некорректности дефиниции «ученый» в этой части свидетельствует и положение части 4 статьи 29 законопроекта, в соответствии с которой «правовой статус ученых, занимающих должности научных работников и осуществляющих научную и (или) научно-техническую деятельность в научных и образовательных организациях, регулируется настоящим Федеральным законом, трудовым законодательством». К слову сказать, здесь в очередной раз забыли о научных и образовательных организациях, например, «силовых» ведомств, в которых деятельность научных сотрудников осуществляется в том числе в соответствии с законодательством о соответствующем виде государственной службы.

Жесткий вариант – исключить из определения понятия ученого слово «профессиональную». Кроме того, предлагается исключить из него слово «знаний», поскольку более устоявшимся и традиционным считается словосочетание «наука и техника». Так, например, именно оно используется в Рекомендации ЮНЕСКО «О стандартизации международной статистики в области науки и техники», принятой 27.11.1978 в Париже на 20-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО.

Таким образом, полагаем возможным предложить для законопроекта следующее определение понятия «ученый». *Ученым признается физическое лицо, осуществляющее научную или научно-техническую деятельность и получившее научные и (или) научно-технические результаты в определенной области науки и техники.*

Если предположить, что научная деятельность охватывает собой деятельность научно-техническую, что для нас является очевидным фактом, то определение может быть еще более лаконичным - *Ученым признается физическое лицо, осуществляющее научную деятельность и добившееся значимых результатов в определенной области науки и техники.* Правда, некоторые авторы, наоборот, считают, что научно-техническая деятельность охватывает собой научную, с чем, на наш взгляд, трудно согласиться [8].

Далее, в части 1 статьи 30 законопроекта предусматривается, что «научным работником является гражданин, обладающий необходимой квалификацией и профессионально занимающийся научной и (или) научно-технической деятельностью». Здесь, наоборот, следуя указанной логике, слова «профессионально занимающийся» целесообразно заменить словами «занимающийся профессиональной».

Частью 2 статьи 31 проектируемого законодательного акта признается *особый* статус научных работников в обществе. Эта норма является аналогом части 2 статьи 46 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», которой устанавливается особый статус педагогических работников. Однако ни в том, ни в другом случае декларируемая «особость» не раскрывается.

Статья 32 законопроекта называется «Обязанности и ответственность научных работников», однако положения об ответственности в ней почему-то отсутствуют. Отсюда непонятно, о позитивной или негативной ответственности идет речь в названии статьи, и какой именно. Не исключается и моральная ответственность за нарушение научной этики, но об этом также ничего не говорится.

В пункте 2 части 2 статьи 29, пунктах 6 и 7 статьи 31 приведен закрытый перечень видов тайны (государственная, служебная и коммерческая), который не охватывает многие разновидности тайны, способные иметь значение при осуществлении научной и научно-технической деятельности: банковскую, налоговую, тайну личной жизни и т.д. Поэтому представляется целесообразным изложить этот пункт в следующей редакции: «2) на доступ к научной и научно-технической информации, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации о государственной и иной охраняемой законом тайне». Ведь именно такую формулировку авторы законопроекта использовали в частях 6 и 8 статьи 19.

Представляется, что в пункте 8 части 2 статьи 29 законопроекта, во-первых, речь должна идти о *проектах* документов стратегического планирования, в обсуждении которых вправе принимать участие ученые, а не о самих документах. Во-вторых, регулятивное значение этой нормы невелико, поскольку таким правом обладает каждый.

К сожалению, в законопроекте не уделяется должного внимания правовому статусу молодых ученых, хотя необходимость проработки этого проблемного вопроса на законодательном уровне очевидна [9]. Ведь в условиях активной цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества ставку целесообразно делать на молодежь. Не случайно на церемонии вручения премии Президента в области науки и инноваций для молодых ученых за 2019 год В.В. Путин отметил: «Убежден, именно таланты, азарт молодых способны обеспечить качественный прорыв в ключевых технологических направлениях нового десятилетия, всего XXI века. Сейчас в отечественных научных коллективах работает много молодых людей. Ожидается, что к середине десятилетия каждый второй ученый в России будет моложе 40 лет. Наше научное сообщество станет

одним из самых молодых в мире»¹.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что законопроект изобилует орфографическими и пунктуационными ошибками, а также редакционными погрешностями, что, конечно же, снижает уровень положительного впечатления, которое он производит. В этой части можно упрекнуть разработчиков в весьма легковесном подходе к редактированию законопроекта, который выносится на общественное обсуждение.

Подводя итог сказанному, сделаем вывод о том, что в проекте федерального закона «О научной и научно-технической деятельности в Российской Федерации» еще рано ставить точку, несмотря на то что он явно «забуксовал». Требуется доработки терминологический аппарат законопроекта, необходима выработка объективных критериев разграничения научной и научно-технической деятельности, нуждается в более детальной разработке правовой статус ученого и научного работника.

Список источников:

1. Степаненко (2016) – Степаненко Ю.В. Перспективы административно-правового регулирования научной деятельности в свете разрабатываемой Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период // Административное право и процесс. 2016. № 9. С. 5-12.
2. Степаненко (2017) – Степаненко Ю.В. О проекте федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» в фокусе реализации Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании. IV Московский юридический форум. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 4 ч. – Часть 2. М.: РГ-Пресс. 2017. С. 53-60.
3. Степаненко (2017) – Степаненко Ю.В. Новый закон о научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2017. № 3(39). С. 68-75.
4. Степаненко (2017) – Степаненко Ю.В. Каким будет новый закон о науке: некоторые предложения // Административное право и процесс. 2017. № 9. С. 16-20.
5. Степаненко (2018) – Степаненко Ю.В. Конституционная свобода научного творчества сквозь призму административных барьеров // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 30-35.
6. Трофимова (2016) – Трофимова Г.А. Правовой статус творческих работников, осуществляющих свою деятельность самостоятельно // Адвокат. 2016. № 4. С. 42-48 (СПС КонсультантПлюс).
7. Степаненко (2019) – Степаненко Ю.В. Правовой статус научного

¹ Церемония вручения премии Президента для молодых ученых. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62735#sel=5:53:lfi,5:62:ZTU;6:9:hUc;6:18:UaU;6:1:Fak,6:8:cgj;7:11:jUg,7:43:eUe> (дата обращения: 19.02.2020).

работника: ключевые понятия // Административное право и процесс. 2019. № 5. С. 26-32.

8. Лапаева (2003) – Лапаева В.В. Закон о науке: анализ нормативного содержания // Законодательство и экономика. 2003. № 5 (ИПО «Гарант»).

9. Матюшенков, Степаненко (2019) – Матюшенков Д.М., Степаненко Ю.В. О правовом статусе молодых ученых // Современный юрист. 2019. № 3 (28). С. 21-29.

References:

Stepanenko (2016) – Stepanenko Y.V. Prospects of administrative and legal regulation of scientific activity in the light of the developed Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation for the long term // Administrative law and process [Perspektivy administrativno-pravovogo regulirovaniya nauchnoj deyatel'nosti v svete razrabatyvaemoj Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na dolgosrochnyj period // Administrativnoe pravo i process.]. 2016. № 9. P. 5-12.

Stepanenko (2017) – Stepanenko Y.V. On the draft federal law «On Scientific, Scientific, Technical and Innovative Activities in the Russian Federation» in the focus of the implementation of the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation // Law and Economics: Interdisciplinary Approaches in Science and Education. IV Moscow Legal Forum. XII International Scientific and Practical Conference (Kutafa Readings): conference proceedings: at 4 o'clock - Part 2. - Moscow: RG-Press [O proekte federal'nogo zakona «O nauchnoj, nauchno-tehnicheskoy i innovacionnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii» v fokuse realizacii Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii // Pravo i ekonomika: mezhdisciplinarnye podhody v nauke i obrazovanii. IV Moskovskij juridicheskij forum. XII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya (Kutafinskie chteniya): materialy konferencii: v 4 ch. – CHast' 2. M.: RG-Press. 2017. P. 53-60.

Stepanenko (2017) - Stepanenko Y.V. The new law on scientific, scientific, technical and innovative activity in the Russian Federation // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Novyj zakon o nauchnoj, nauchno-tehnicheskoy i innovacionnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii // Nauchnyj portal MVD Rossii]. 2017. № 3 (39). P. 68-75.

Stepanenko (2017) - Stepanenko Y.V. What will be the new law on science: some assumptions // Administrative law and process [Kakim budet novyj zakon o nauke: nekotorye predpolozheniya // Administrativnoe pravo i process]. 2017. № 9. P. 16-20.

Stepanenko (2018) – Stepanenko Y.V. The constitutional freedom of scientific creativity through the prism of administrative barriers // Administrative law and process [Konstitucionnaya svoboda nauchnogo tvorchestva skvoz' prizmu administrativnyh bar'erov // Administrativnoe pravo i process]. 2018. № 12. P. 30-35.

Trofimova (2016) – Trofimova G.A. The legal status of creative workers carrying out their activities independently // Lawyer [Pravovoj status tvorcheskih rabotnikov, osushchestvlyayushchih svoju deyatel'nost' samostoyatel'no // Advokat]. 2016. № 4. P. 42-48 (ATP Consultant Plus).

Stepanenko (2019) - Stepanenko Y.V. The legal status of a scientist: key concepts // Administrative law and process [Pravovoj status nauchnogo

rabotnika: klyuchevye ponyatiya // Administrativnoe pravo i process]. 2019 . № 5. P. 26-32.

Lapaeva (2003) – Lapaeva V.V. Law on Science: Analysis of the Normative Content // Legislation and Economics [Zakon o nauke: analiz normativnogo sodержaniya // Zakonodatel'stvo i ekonomika]. 2003. № 5 (IPO «Guarantor»).

Matyushenkov, Stepanenko (2019) - Matyushenkov D.M., Stepanenko Y.V. On the legal status of young scientists // Modern Lawyer [O pravovom statute molodyh uchenyh // Sovremennyy jurist]. 2019. № 3 (28). P. 21-29.